

НОВОСТИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 11 (1195)

Ноябрь, 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА — Ожиданье, стихи	3
МАЙЯ КОНОНЕНКО — Единоличница, роман	10
АЛЕКСЕЙ АЛЁХИН — Ты просто посмотри, стихи	90
МАКСИМ ГУРЕЕВ — Муххамад Баки, рассказ	93
ВАЛЬДЕМАР ВЕБЕР — Застиранная синь неба, стихи	101
ДМИТРИЙ БРИСЕНКО — Гугломобили во дворы не заезжают, рассказы	106
ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА — Человек внутри, стихи	115
АЛЕКСАНДРА БРУЙ — Хор, два рассказа	120
МАЙЯ ШЕРЕМЕТЕВА — Купание синего коня, стихи	129
АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ — Время — чтение. От книги к книге	134

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 130-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ТЫНЯНОВА:

Александр Марков. Цезура жизни; Вл. Новиков. История с плохим концом; Александр Мелихов. Уроки Тынянова; Елена Долгопят. Невидимый человек; Игорь Сухих. Записки из подполья; Николай Подосокорский. Юрий Тынянов как исследователь Достоевского; Юлия Рахаева. Странные сближения, или другой Александр Сергеевич; Александр Житнев. День без числа: Тынянов и болезнь; Андрей Тесля. Роман историка; Виктор Никифоров. Потерянные рукописи; Татьяна Зверева. Медный всадник, восковая персона и голый король; Сергей Лебедев. Портрет в портрете, или История о том, как (не) поссорились Юрий Николаевич с Леонидом Ивановичем. Вступительное слово Владимира Губайловского	155
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАТАЛИЯ АЗАРОВА, ЮЛИЯ ДРЕЙЗИС — Толстой как переводчик Лао-цзы	180
---	-----

ПОЛЕМИКА

КОНСТАНТИН ШАКАРЯН — Итоги большого периода. О книге Сергея Чупринина «Оттепель. Действующие лица»	196
---	-----

(См. на обороте)

Как поэты из блоковского стихотворения: «...и каждый встречал / Другого надменной улыбкой».

Но не забудем и блоковский финал.

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Р. С. Когда другие филологи всерьез заинтересовались Л. Я. Гинзбург, у нее обнаружили свои скелеты в шкафу.

Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00636 <<https://rscf.ru/project/24-18-00636/>>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Николай Подосокорский, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Великий Новгород.

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДОСТОЕВСКОГО

Юрий Тынянов (1894 — 1943) вошел в историю достоевистики как автор всего одной, сравнительно небольшой по объему (48 страниц), но при этом чрезвычайно яркой и новаторской для своего времени работы о Достоевском. Этот компаративный труд ученого «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», написанный в 1919 году (когда он читал в Доме литераторов курс лекций «История и теория пародии») и впервые изданный отдельной брошюрой в 1921 году, помимо прочего, является его самой первой опубликованной научной работой и вообще его первой изданной книгой. И хотя в год столетия со дня рождения Достоевского в советской России появилось множество новых работ о писателе (А. В. Луначарского, В. Ф. Переверзева, Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, Ю. Г. Оксмана, М. П. Алексеева, В. Б. Шкловского и др.), дебютная книга начинающего петроградского литературоведа, совсем недавно окончившего университет, вызвала большой резонанс. Последний проявился в выходе все в том же 1921 году не менее восьми рецензий (всего же, если считать и более поздние публикации, исследователи насчитывают до пятнадцати печатных отзывов) на тыняновский формалистский опус (среди рецензентов можно выделить Б. В. Томашевского, А. Л. Слонимского и А. Г. Горнфельда).

Изданию книги предшествовал ряд публичных выступлений автора (уже ставшего к тому моменту секретарем ОПОЯЗа) о Достоевском: осенью 1920 года он делает доклад на тему «Достоевский и Гоголь» в Доме литераторов; в феврале 1921 года участвует в вечере, посвященном 40-летию смерти Достоевского; в июне 1921 года снова выступает с докладом «Достоевский и Гоголь» в Обществе изучения художественной словесности ГИИИ. Не позднее августа 1921 года в издательстве «Опояз» в серии «Сборники по теории поэтического языка» наконец выходит и книга Тынянова на эту тему — за нее, по признанию самого автора, он получил весомый «гонорар» в виде воза дров.

В первом издании брошюра «Достоевский и Гоголь» состояла из двух частей. В первой части «Стилизация — пародия» Тынянов сформулировал принцип, сохраняющий актуальность и по сей день: «Когда говорят о „литературной традиции” или „преемственности”, обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим. Между тем дело много сложнее. Нет про-

должения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки, — борьба». И действительно, когда иные современные исследователи снова и снова пишут о «влиянии» на Достоевского тех или иных его предшественников, обнаруживают «заимствования» в его романах из их произведений, то впору обратиться к Тынянову, более века назад указавшему на то, что крупный художник не заимствует «чужое добро», но органически встраивает его в новый художественный мир в уже переосмысленном, трансформированном виде. И гораздо продуктивнее для понимания произведения не фиксировать «влияние» одного художника на другого, но изучать их своеобразие и оформленные литературные *ответы* великих писателей своим предшественникам.

Тынянов справедливо заметил, что пародия у Достоевского отнюдь не сводится к высмеиванию и карикатуре, а представляет универсальный поэтический прием. Так, он, к примеру, указывает на помещение в пародийный контекст эпитафии Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра» (использованной братьями М. М. и Ф. М. Достоевскими в качестве надгробной надписи на могиле их любимой матери) в романе «Идиот». То есть за формальной «пародией» в архитектонике великих романов Достоевского почти всегда скрывается не злая сатира, а особого рода юмор, придающий тексту поразительные жизненность и остроту под видом кажущейся фантастичности.

Парадоксальным, на первый взгляд, является тезис Тынянова, согласно которому «Достоевский настойчиво вводит литературу в свои произведения», хотя, действительно, среди героев писателя немало сочинителей, и они зачастую обсуждают русскую и мировую литературу как живую жизнь, имеющую самое непосредственное отношение к их личной судьбе.

Проследим теперь за тем, какие имена современников автора упомянуты в этой работе Тынянова, чтобы понять, на кого он сам опирался и от кого отталкивался. Если не считать Василия Розанова, умершего в год написания тыняновской книги, этот список будет совсем коротким: Б. М. Эйхенбаум, В. Я. Брюсов, В. В. Виноградов и В. Б. Шкловский. То есть наполовину это коллеги и единомышленники Тынянова по ОПОЯЗу, которые всецело разделяли его подход к произведениям Гоголя и Достоевского и старались, когда это было возможно, всячески «продвигать» его научные выводы. Например, Шкловский (уже после смерти Тынянова) в монографии «За и против. Заметки о Достоевском» (1957) безапелляционно высказался о вкладе в литературоведение второй части тыняновского труда «Фома Опискин и „Переписка с друзьями“»: «Ю. Н. Тынянов в книге „Достоевский и Гоголь” доказал, что Фома Опискин является прямой пародией Достоевского на стилистику и идеологию Гоголя эпохи „Выбранных мест”. Я отсылаю к книге Тынянова, где пародия доказана и исследована до конца». И хотя «доказанность» последнего утверждения была оспорена как первыми рецензентами книги, так и впоследствии ведущими советскими достоевистами, мало какая статья о «Селе Степанчикове и его обитателях» и сегодня обходится без отсылки к тыняновской брошюре.

Неверно считать, что после публикации книги о Достоевском и Гоголе Тынянов больше никогда не возвращался к Достоевскому. В 1929 году вышел его сборник статей «Архаисты и новаторы», куда он включил с небольшими изменениями и свою работу о пародии у Достоевского и Гоголя. Характерно, что и в других статьях этого сборника (в частности посвященных Пушкину, Тютчеву, Блоку, Хлебникову) он периодически обращается к Достоевскому и поминает его имя, отмечая, что у того было «большое мерило» для оценки «нового слова» в литературе.

Идеи Тынянова подали творческий импульс нескольким поколениям отечественных достоевистов: на его работы с той или иной степенью полемичности ссылались Г. И. Чулков, Г. М. Фридендер, С. Г. Бочаров, В. А. Туниманов, Т. А. Касаткина и многие др. Михаил Бахтин, отвечая на вопрос редакции

«Нового мира» (1970, № 11) о состоянии современного литературоведения, первым в ряду советских «серьезных и талантливых» филологов, вырабатывающих «высокие научные традиции», назвал имя Тынянова. Столь высокая оценка, возможно, была вызвана их близким взглядом на творчество Достоевского. По мнению Драгана Куонжича, «Бахтин, во многом подобно Тынянову, рассматривает слово Достоевского как риторическое пространство, в котором властвует пародия, интертексты, маскарад и карнавал».

В нашу задачу в этом эссе не входит критика сомнительных положений Тынянова и вообще указание на ограниченность методов формальной школы. В год 130-летия со дня рождения выдающегося филолога гораздо уместнее остановиться на том, чем он может быть интересен и сегодня.

Юлия Рахаева, журналист. Москва.

СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ, ИЛИ ДРУГОЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

В очередной раз перечитываю «Смерть Вазир-Мухтара». Ну просто сняла с полки второй том трехтомника, изданного в 2006-м издательством «Вагриус». Красивый, в колленоре, да еще и в суперобложке. И вспоминаю своего первого «Вазир-Мухтара», такого зеленатоватого, в тканевом твердом переплете, из трехтомника 1959 года (Ленинградское отделения Гослитиздата). Он попал мне в руки почти случайно в начале 1970-х. И запустил долгую серию странных сближений.

Поступив на журфак МГУ, я в качестве одной из первых курсовых, забыла даже, по какому предмету, написала работу «Булгарин и декабристы». Почему не Грибоедов? Да потому что это было бы банально. Преподаватель удивился, но работа была зачтена. Откуда бы у меня мог возникнуть интерес к этому поганцу, которого терпеть не мог сам Пушкин? Тогда (как, впрочем, и сейчас) было принято брезговать этим персонажем и уж точно не принимать его всерьез. Но у Тынянова-то Булгарин, хотя тоже порой смешной и даже жалкий, вовсе не хрестоматийная мишень для обидных эпиграмм. Он друг главного героя, много для него сделавший.

А вот в самого Вазир-Мухтара я просто влюбилась. Хотя тыняновский Грибоедов, по совести говоря, был классическим плохим парнем. Донжуанил (в Питере бегал от Кати к Леночке — между прочим, жене друга — и обратно, по дороге в Тифлис тоже регулярно себе позволял, да и прежде, чем выбрать Нину, строил глазки Дашеньке). Дрался на дуэлях, многие из которых сам и провоцировал (например, знаменитую *четверную* — Грибоедову в конце концов прострелили руку, а вот несчастный Вася Шереметев от полученных ран скончался). Снобствовал. Интриговал. Но хорошие девочки часто предпочитают плохих мальчиков. При важном условии: это должны быть очень умные мальчики. Грибоедов же был не просто умен. Он был гениален.

Я стала читать о другом Александре Сергеевиче все, что попало. А еще ведь периодически случались и другие события, каким-то образом связанные с Грибоедовым. Так однажды довелось ехать из Питера дневным поездом в одном вагоне с Виталием Соломиным. Он возвращался с каких-то съемок на премьеру в свой Малый театр, где ему предстояло этим же вечером играть Чацкого (о чем я узнала из программы «Время»). Я не была на премьере, но откладывать в долгий ящик не стала. Свидетельствую: младший Соломин был отличным Чацким! Через много лет я едва успела увидеть в исполнении его брата Юрия не менее прекрасного Фамусова.

Работая на радио, я готовила передачу о Грибоедове. Конечно же, перечитала «Смерть Вазир-Мухтара». Нашла в ней много нового! Тогда же открыла для себя Хмелиту, о которой у Тынянова ни полбуквы. Ужасно жаль, что Юрия Николаевича давно не было на свете, когда был создан единственный в мире